

О КОЛОДНИКЕ-РАССТРИГЕ И ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЕ ФЕОФИЛАКТЕ МЕЛЕСЕ

В делах Тобольской консистории хранится интереснейшее «дело» о неудачнике-воздухоплателе, что долгие годы томился из-за своего неумного характера и слишком свободолобивой натуры по монастырям Тобольской епархии в 50–60-е годы XVIII столетия. Звали его Феофилакт, что с греческого переводится как «богом хранимый» и, надо сказать, весьма соответствовало всему с ним происходящему, а сгинуть, погибнуть мог он несчетное количество раз. Да вот ведь — хранил Господь, оберегал... А прозвище свое — Мелес — получил он, судя по всему, от названия травы «мелисы», которую в народе называют «донником», «маточником», «пчельником». Запах у той травы весьма пряный и душистый, приятный, одним словом.

Родился тот Мелес на Полтавщине, в местечке Золотоноши, в семье ничем не примечательного мещанина. После окончания местной семинарии уже с молодых лет пожелал стать монахом и в 1749 г. был пострижен в иноки. Или за успехи в учебе, или по иной причине через два года направляют его продолжать образование в Московскую академию для «обучения латинской науке». Верно, и там показал он отменные успехи, поскольку уже через год его направляют как иеромонаха в немецкий город Киль, в королевский Голштинский дворец, служить в православном храме. Из Голштинского герцогства вышел другой неудачник — император российский Петр III, который недолго процарствовал. С Голштинией у России были давние дружеские связи, и наличие в ней русской церкви это лишь подтверждает.

В городе Киле Мелес провел три года, а потом вдруг сам себя низложил из монашества в миряне и «резоны на то» предоставил коллегии иностранных дел, прося о своем переводе в Россию с тем, чтоб отпустили его на родину, в Полтавскую губернию, в местечко Золотоноши. Бывает, что чужая сторона в тягость, когда что-то внутри обламывается и весь свет не мил — до того хочется ступить на крылечко отчего дома. Правда, ох как не скоро попал Мелес на родное крыльцо... но о том чуть позже.

Пока же монаха-расстригу доставили с немецкой стороны в Петербург, поместили в подвалы Святейшего Синода и провели допрос по всей форме. Что показал Мелес следователям из Синода, нам не известно, но в 1755 г. закованного в кандалы под караулом отправили по этапу в Тобольскую губернию в Успенс-

кий Далматов монастырь. В определении было сказано следующее: «Иеромонаха Феофилакта за учиненные весьма непристойные и неприличные священно-монашествующему чину поступки и предерзости к поношению и крайнему бесславию всего российского духовенства — лишить сана и переименовать в мирское звание Федор, послать скованного под караулом двух солдат московской синодальной конторы в Успенский Далматов монастырь для неисходного и крепчайшего в монастырских черных работах содержания; и держать под крепчайшим приглядом и караулом, чтобы он утечки и никаких непристойностей не чинил; в церковь допускать к исповеди и для слушания славословия в надлежащее время, а к святому причастию только в случае смертного часа». Вот так! Наказали так наказали: на всю жизнь епитимью наложили — до смертного часа без причастия жить, а лишь только раскаиваться. Знать, велик был грех того монаха-расстриги, поносившего «к крайнему бесславию» все российское духовенство, и отвечать ему повелели, что называется, по полной программе — всю оставшуюся жизнь. Но самые интересные события разворачивались уже в Сибири.

Оказавшись в Далматовом монастыре, Федор (по мирскому имени) Мелес ничуть не опечалился, а выказал полное неповиновение монастырским властям, отказавшись от работы, а «на словах стал устрашать показыванием важных случаев». Дело Мелеса дошло до императрицы Елизаветы Петровны, которая распорядилась перевести его подальше на север, в Кондинский Свято-Троицкий монастырь, «яко беспокойного». Уже и императрица узнала о бывшем монахе, с которым не могли справиться духовные власти. А «важные случаи» — это обычный прием заключенных того времени, которые использовали любой повод, чтоб крикнуть «слово и дело» и тем самым оказаться переведенными к вышестоящему начальству для снятия допроса. Русский человек на выдумки горазд, и что ему стоило заявить о фальшивых деньгах или о связи с нечистой силой его охранников, чему он якобы был свидетель, а потом пойти докажи, что было на самом деле. Документы того времени буквально пестрят подобными сообщениями, во время расследования которых заключенные использовали любую возможность для побега.

По пути в Кондинский Свято-Троицкий монастырь Федор Мелес прибыл в Тобольск и помещен был в одном из строений архиерейского дома. В то время Тобольская епархия была митрополией и управлял ею довольно строгий владыка Павел (Кнюскевич), который порой провинившихся батюшек на цепь сажал или отправлял в «черную работу», а уж как он встретил расстригу-колодника, о том можно лишь догадываться. Но в Кондинский монастырь сразу отправить расстригу не смогли по причине «большой воды», и какое-то время он жил в Тобольске, выкидывая одно коленце почище другого.

Начал он с того, что заявил приставленному к нему служителю Кремлеву, что отныне «в содержании христианской веры быть

более не хочет, а от сего времени будет содержать татарскую веру Мохамедову, чтоб не быть ему послушным Святейшему Правительственному Синоду и чтоб Синод его не ведал так же, как не ведает он по содержанию веры татар, почему он и в церковь не ходит». Замечательный ход! Я не я и хата не моя! Заключение решил принять иное подданство, точнее, вероисповедание, а тогда Синод должен был отпустить его на все четыре стороны. Но не тут-то было... Не подозревал Мелес, что тем самым попал под другую статью: отступничество от веры, а за это карали строго и во все времена. Но поскольку вероотступником оказался уже осужденный, то с ним решили действовать путем увещания. Но притом сообщили опять же в Святейший Синод и пригласили отщепенца в тобольскую консисторию для продолжительной беседы, после чего решили, что находится Федор «в повреждении ума, в немалой меланхолии, почему и произношение вышеписанных слов произошло более из легкомыслия, нежели из рассуждения».

Тогда Мелес решил продемонстрировать, что он не шутит, а от христовой веры решил отречься раз и навсегда и накануне Пасхи попросил купить ему несколько яиц. Надзиратели подумали, что он готовит их для «христосования» на Светлое Воскресение, а он их съел на глазах у всех в страстную седмицу! Когда ему заметили, что он «забыл должность христианскую до пришествия Святой Пасхи», то он резонно ответил, что яйца есть его благословил абыз татарский.

После того, как Мелеса отказались отпустить в «татарскую веру», он решил попробовать с другой стороны и в очередной раз заявил «слово и дело». Стражники, как положено в подобных случаях, свели заявителя в сибирскую канцелярию, где его допросили (с пристрастием?) и вернули обратно духовным властям. Поняв, что и этот шанс он исчерпал, Мелес запросился обратно в православную веру, решившись принять вторично монашество. Он подал о своем желании письменное заявление в тобольскую консисторию, заявляя при том, что обязуется «и всякие предания содержать во всем, яко матери до скончания жизни своей нелицемерно», о чем и засвидетельствовал под присягой «пред Господом Богом небесным и пред ангелы его и пред всеми святыми».

Но не тут-то было. Сибирское духовенство не спешило принимать блудного сына-расстригу обратно в свое лоно и по-своему было право. А тем временем губернская канцелярия, рассмотрев «слово и дело», что Мелес кричал, признала его ложным и за произнесение ругательных слов против церкви и веры бить его плетями и обязать подпиской «впредь таковых и подобных предерзостных затейств не чинить». Через два года (1760 г.) наш герой вновь не вытерпел и объявил «слово и дело», но и на сей раз все закончилось поркой его в сенях судейской камеры.

Подобная профилактика подействовала на Мелеса положительно, и он начал посещать церковь, но делал это, вероятно, для того чтоб ослабить бдительность своих сторожей. В июле 1760 г. он бежал из-под караула, перемахнув через ограду возле соборной колокольни. За городом освободился от ножных кандалов и направился в деревню Жуковку, а оттуда к парому через Иртыш, но там и был настигнут посланными за ним архиерейскими прислужниками. При взятии его под стражу пытался пугать охранников тем, что зарежет их, но ножа при себе не имел — как говорят в народе, «на испуг брал».

После побега и поимки он чистосердечно сообщил митрополиту Павлу, что раскаивается во всех грехах, а бежал, потому что «нестерпимо было содержание через многих лет в железных оковах». Владыка не поверил раскаянью беглеца и велел его выпороть публично.

Окончательно вышедший из себя Мелес перестал ходить в церковь и отказался от работ, на которые его направляли, и в феврале 1762 г. вновь ушел в побег. Вот как караульный капрал доносил об этом происшествии: «сбил с себя ножные железа и неведому куда бежал, а приметамы он: росту великосреднего, собою тончав, волосы на голове и бороде темно-русые прямые, глаза темно-карие, лицом сухощав, говорит буторовато, от роду лет сорока». Но самое интересное следует далее. Мелес обращается через одного из архиерейских людей (Пушкарева) передать Тобольскому губернатору Соймонову, что может он «в самую подлинность практикою показать пред его превосходительством свое искусство», с помощью которого «по своим философическим наукам, а не по чьему либо наущению, искусство как может человек совершенно по подобию птиц летать по воздуху куда похочет».

Но Пушкарев не оправдал ожиданий узника и не передал губернатору, как «может человек по подобию птиц летать по воздуху куда похочет». Но Мелес не терял надежды соблазнить кого-нибудь другого невиданными досель возможностями летания по воздуху и уговорил другого служителя митрополита приготовить холста 12 аршин, столько же деревянных блоков и несколько веревок «варавинных». Но подвел и этот сообщник — в самый ответственный момент отказался участвовать в строительстве невиданного досель летательного аппарата. 17 февраля 1762 г. Мелес бежит один, прихватив с собой нож для резки хлеба, шесть хлебных мешков и несколько караваев хлеба. На митрополичьем дворе срезал с колокольни веревку, перемахнул через забор, спустился с горы на Иртыш, где по льду перебрался на остров и принялся мастерить себе из мешков крылья, с помощью которых и собирался покинуть негостеприимную Сибирь. Этим делом он занимался двое суток на морозе, естественно, сильно замерз и, не перенеся «зимнего мороза», от испытаний своего проекта отказался. Тогда он решительно направился обратно в город и пошел напрямик к губернатору, где и открыл ему спо-

соб «летания по воздуху». Но губернатора не заинтересовал этот необычный для того времени способ перемещения в пространстве и, не дослушав продрогшего от неудачных испытаний изобретателя, он кликнул охрану. Мелеса проводили в консисторию, где он продолжал просить почтеннейших отцов отпустить его, чтоб он смог с помощью крыльев улететь «при способном ветре» в любимую Малороссию, в местечко Золотоноши, а оттуда при надобности и в Москву, и прочие города. Когда святые отцы поинтересовались, где он думает брать пропитание себе и ночевать, то Мелес без запинки пояснил, что за показ способа «летания по воздуху» его не только накормят и ночевать оставят, но еще и денег дадут.

Митрополит Павел отписал о происшествии в Святейший Синод, сообщив о расстриге: «дьявол и приступил к нему праздному, как своему рабу, и показал ему безумный способ к летанию, которому он и поверил». Способ лечения от подобного безумия в те времена был один: к узнику приставили «честного иеромонаха Авраамия», который должен был следить за ним во время «черной работы» и принуждать как «ленивую лошадь». А для профилактики по пятницам 40 ударов плетью или лозой (по настроению), «пока не станет иметь истинного и нелицемерного виду покаяния».

Но разве таким способом удержишь метущуюся душу заперти? В июне того же года Мелес вновь бежал. Перед этим он подговорил еще одного узника, у которого в Петербурге был великий благодетель — фельдмаршал Миних. Но в последний момент сотоварищ передумал (ох, не везет нашему герою на единомышленников), и Мелес ушел в побег один. Через ограду. Вниз по Пря姆斯кому взвозу. Снял кандалы «за их ослаблением». На перевоз за 2 копейки. И тюменским трактом на запад. Питался подаянием. Шел низменными местами. 29 июня добрался до Тюмени, где его узнали и... погнало обратно в Тобольск.

В Тобольске он пробыл до 1768 года. Обращался с письменной просьбой к владыке дать свободу его «бедной и кручинной голове», ссылаясь на Евангелие: «просите и дастся вам», и умолял отпустить в родные края, где «приятность и благодейство». Митрополит Павел, который, кстати говоря, являлся земляком нашему узнику, был к тому времени отстранен от дел (не сошелся во взглядах с императрицей Екатериной II), но отпустить «кручинную голову» на родину отказался, а направил его в Кондинск.

Свято-Троицкий Кондинский монастырь был одним из самых северных и удаленных от центра монастырей Тобольской епархии. Хоть и не край земли, но климат суровый, отсюда не убежишь. Поначалу Мелес повел себя здесь на удивление тихо, хоть в пример другим ставь. Игумен Маркиант сообщал о нем: «живет в полном послушании и обнаруживает искреннее желание обратиться от своего распутного жития». Но уже через полгода терпению ссыльного наступил конец, и тот же игумен пишет, что «исправность в Мелесе была притворная». Он отказывается от

послушания, то есть от «черной работы», а другой ему не предложили за неимением. «В церкви читает нехотя и вообще является злобным презирателем и непослушным». Не выполняет указания настоятеля. Его сажают на цепь, надевают ножные кандалы. Повторюсь, других способов увещевания не знали. В ответ Мелес грозит спалить монастырь. Братия в панике. Просят тобольское начальство забрать неподвластного им узника обратно. В июле 1769 г. игумен Мартиан пишет в консисторию слезное прошение: «Описать не могу сколько зла сотворил сосуд дьявольский Мелес. Помилуйте! Обороните уже не меня, обитель святую от толика злобы злодея! Всегдашние печали сокрушили меня; да и содержать его не в чем, и положения о колодниках не видно».

Надо заметить, что в те годы еще не было разработано положение о так называемых колодниках (от слова «колода», к которой их пристегивали цепью во избежание побега). Если арестанта сажали в тюрьму, то он должен был в сопровождении солдат ходить на работу и зарабатывать себе на пропитание. В монастырях их тоже не держали без работы, поскольку денег на их содержание ни светская, ни церковная власть не давали. Поэтому можно только посочувствовать настоятелям, которые сталкивались с подобными «отказниками».

Сменивший своего строгого предшественника на тобольской кафедре епископ Варлаам долго колебался, как поступить с нераскаявшимся арестантом, и даже писал в Синод, прося совета, высказав также сомнения по поводу сохранности Кондинского монастыря и всей его братии. При этом он выразил собственное мнение, что буйство Мелеса происходит вследствие «утеснения его в содержании». Называется, открыл Америку!

В феврале 1770 г. кондинский настоятель, не желая дальше испытывать судьбу, чтобы освободиться от «сосуда дьявольского», отправляет Мелеса в Тобольск. Представляете, как радовались кондинские монахи избавлению от невесть откуда свалившейся на них напасти?! Зато епископ Варлаам поставлен был перед неразрешимой дилеммой: принять монашество Мелес отказывается, губернатор Чичерин помочь ему не желает, поскольку ссыльный проходит совсем по другому ведомству... В конце концов, несчастного (а именно так звали в Сибири всех ссыльных и каторжников) переводят в Тюменский Троицкий монастырь. Но и в Тюмени Мелес задержался недолго, и, благодаря его настойчивым просьбам и желанию епископа избавиться от непослушного расстриги, того передают в ведение гражданского ведомства в Тобольске. Здесь ему разрешили (через 17 лет!) приобщиться Святым Тайн. А почему так вдруг, спросите вы? Да просто просвещенный епископ открыл, что, согласно 59 правилу Василия Великого, епитимья на

*Тобольск
Подгорная часть
Вид на кремль*

блудников накладывается не более чем на 7 лет, а значит, несчастный Мелес отбывал свое заключение лишних десять лет. После этого открытия стойкого Мелеса в 1773 г. отпускают на родину. Вроде как и нашему повествованию конец. Но тут есть над чем поразмышлять, и вопросы напрашиваются сами собой.

Первый. Откуда в российском человеке такая несгибаемость, что ни кандалы, ни монастырские стены удержать его не могут?

Второе. А не будь мороза в тот раз, когда Мелес мастерил свои крылья? Не стал бы Тобольск родиной российского воздухоплавания? А если бы не мешали бы несчастному расстриге, а дали все материалы и инструменты... Вдруг бы да полетел он в свою Малороссию?

И третье. Зачем у нас в России так любят создавать «утеснение в содержании»? Не было бы этих утеснений — глядишь, и мы бы другой страной стали. Но... это уже была бы не Россия... Без утеснений у нас жить пока не научились. И это не вопрос, а горькое утверждение. Так и хочется перефразировать известное изречение из Евангелия: «Не утесняй да не утесним будешь...» Но то уже законы скорее диалектики.

*Тобольские епархиальные ведомости.
1885. №19. С. 429–439.*

ПИСЬМА Б. Н. ГОРОДКОВА К В. Н. ПИГНАТТИ (1910–1914 ГГ.)

¹Бородин Иван Парфеньевич (30.01.1847, Новгород – 05.03.1930, Ленинград) — крупнейший русский ботаник — анатом и физиолог растений, флорист; академик (1902 г.). В 1869 г. окончил Петербургский университет, ученик А. Н. Бекетова и А. С. Фаминцына. С 1880 г. — профессор. Преподавал ботанику в Лесном институте, Военно-медицинской академии, Петербургском университете, на Высших женских курсах. Организатор и первый президент Русского Ботанического общества (1916 г.), директор Ботанического музея АН. С 1900 г. руководил подготовкой издания

Мобольский губернский музей, основанный в 1879 г. при губернском статистическом комитете, был крупным научным учреждением, тесно связанным с Томским университетом и Западно-Сибирским отделом Императорского Русского Географического общества (ЗСО ИРГО). Большую и постоянную помощь музею оказывала Российская академия наук. Научные связи с учреждениями академии поддерживались через Б. Н. Городкова — уроженца Тобольска, геоботаника, этнографа и путешественника, работавшего в Ботаническом музее АН в Петербурге.

Борис Николаевич Городков (1890, Тобольск – 1953, Ленинград) в 1908 г. с серебряной медалью окончил Тобольскую гимназию и поступил на химическое отделение физико-математического факультета Петербургского университета, где за полтора года окончил и биологическое отделение. В 1910 г. провёл самостоятельную экспедицию в бассейн р. Конды, в ходе которой были собраны богатые коллекции по ботанике и этнографии. В 1911 г. изучал природу, растительность, животный мир и население в бассейне р. Салым. В 1912 г. исследовал растительность Ишимского уезда Тобольской губернии, о чем напи-